

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.4; 316.77

ББК 60.524

© Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф.

ОЦЕНКИ ВОСПРИИМЧИВОСТИ К КОМПОНЕНТАМ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И К УРОВНЯМ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ¹

ДАВЫДЕНКО ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Тюменский государственный университет
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10
E-mail: vlad_davidenko@mail.ru

РОМАШКИНА ГУЛЬНАРА ФАТЫХОВНА

Тюменский государственный университет
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10
E-mail: g.f.romashkina@utmn.ru

В статье изучаются субъективные оценки экологических угроз с точки зрения теории восприятия компонент социального пространства. Проверялась гипотеза о существовании инвариантных схем когнитивных функций извлечения смысла, когда при обращении к пространственному измерению социальной жизни в связке «общество-восприятие-действие-пространство» возникают связи социальной динамики с трансформациями представлений о пространстве. Научная новизна заключается в том, что оценки восприимчивости людей к уровням экологических угроз интерпретируются в жанре когнитивных ниш, отражающих уровни восприятия, как особых миров смыслов, сопряженных по своим содержательным признакам с актуальными проблемами-опасностями. Методы анализа: вычисление показателей незащищенности, дисперсионный анализ, регрессионный анализ, классификации восприимчивости людей к экологическим угрозам. Основной результат: представлены авторские теоретические исследования и эмпирические оценки структуры и динамики вос-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 16-03-00500. Тюменский государственный университет.

приимчивости к экологическим угрозам жителей регионов России. Сделан вывод о том, что наиболее остро оценивают экологические угрозы жители средних городов России, сельские жители и наиболее бедные слои населения, которые оказались подвержены наибольшему негативному влиянию факторов внешней среды. Показано противоречие: с одной стороны, окружающая среда не входит «напрямую» в концепт личностной картины мира человека и наблюдается неадекватность социальной рефлексии экологических проблем существующей объективной реальности, что является значимым фактором экологического риска, с другой стороны, в социальном сознании экологическая угроза оказалась тесно связана с системой социального действия, что подтвердили результаты регрессионного анализа.

Модели восприимчивости, компоненты социального пространства, самооценки незащищенности, экологическая угроза.

Введение

Научная проблема, решению которой посвящена статья, состоит в апробации методологии оценок динамики социального пространства через ощущения проблем-опасностей, ее основное противоречие заключается в восприятии экологии как одного из компонентов структурного нарушения в социальном пространстве. Цели работы включают операционализацию понятия «восприятие социальной среды», эмпирическую верификацию и моделирование восприимчивости к компонентам социального пространства и к уровням экологических угроз. Обоснование научной новизны и значимости работы сопряжено с переосмыслением общей методологии тематики генезиса и структурирования социального пространства. Отбор инвариантных структур для концептуальной разработки модели восприимчивости к компонентам социального пространства осуществлялся на основе классических парадигм в исследовании пространства таких ведущих теоретиков мира в этой области, как П. Бурдьё [2], К. Леви-Стросс [6], А. Лефевр [7; 17], Н. Луман [8], М. Хайдеггер [11; 12; 18], Дж. Гибсон [15], Я. фон Икскуль [23].

Основная гипотеза: восприимчивость людей к экологическим угрозам находится под сильным воздействием социальных, экономических и психологических факторов. Сила этих факторов различная на различных уровнях социального пространства.

Невозможно выделить влияние этих факторов в чистом виде, но можно оценить их силу на сравнительном уровне (сильнее/слабее). Мы предположили, что более уязвимые социальные слои будут более восприимчивы к экологическим угрозам. Решается задача классификации. Анализ данных проведен методами дисперсионного анализа и регрессионного анализа, что позволило выявить структурные зависимости между различными переменными.

Обзор научной литературы

Анализ проблемы восприимчивости и содержания восприятия в контексте социального пространства как научной категории проводили антропологи, географы, психологи, социологи, философы, этнографы, этологи и ученые других смежных специальностей, что говорит о междисциплинарной области исследований. Онтологическую и экзистенциальную составляющие проблематики социального пространства, его восприятия различными акторами с философской точки зрения поднял и переосмыслил М. Хайдеггер [11; 12; 18]. Научное обращение к пространственному аспекту человеческого существования, сопряженного с проблемами восприятия и действия, получило статус «пространственного поворота» [1; 10; 13; 16; 21; 22]. Так, Ю.А. Бедаш в своих статьях отмечает, что в случае с «пространственным поворотом» речь идет об осознании того, что взгляд на человека, лишенный корректно выстроенной про-

странственной перспективы, формирует «искаженное» (в основном, «иллюзорное») представление о действительности; что все усиливающаяся значимость проблематики пространства базируется на ряде важных причин, среди которых вступление современных западных обществ в информационную эпоху, возникновение глобальных городов и рост влияния во всем мире транснациональных корпораций, неправительственных организаций и медиакомпаний; росте национального самосознания в бывших колониях; речь также идет о возникновении новой – трансграничной – локальности, которая не только характеризует геополитическую констелляцию, но оказывает серьезное влияние на формирование тематических приоритетов в научных исследованиях по гуманитарным дисциплинам [1, с. 279–280]. Как отмечает А.Ф. Филиппов, существует тесная связь между интерпретациями пространства и описаниями общества в качестве конвенции, сети, потока субстанциализированного пространства-контейнера [10, с. 17–18]. Область воспринимаемого должна описываться в контексте практического базиса восприятия внешнего мира, раскрывать социальное пространство в качестве практической схемы, четко ориентирующей действие человека. Устойчивая тенденция толковать «пространственный поворот» («*spatial turn*»), произошедший в современных социальных и гуманитарных исследованиях, как «возвращение к пространству» отмечается в культурологических работах Д. Бахман-Медик [13]; в социально-географических работах американского ученого Э. Соя (знаменит его афоризм: «в любой истории и биографии – никак не меньше географии»), настаивавшего на том, что «пространство составляет витально-экзистенциальную силу, формирующую нашу жизнь» [19, с. 11]. Й. Доринг и Т. Тиелманн [21] отметили, что предтечи пространственного поворота надо искать в чикагской социологической школе урбанистической экологии. К. Шлегель на глубоком социально-философском уровне

реабилитировал пространство, вызвал к жизни новую культуру меж- и внедисциплинарного дискурса о пространстве [20]. М. Ксаки и К. Лейтдждб объяснили, что реально происходит после пространственного поворота и что за ним стоят виртуальная революция, глобализация, глокализация, которые неизбежно меняют очертания городов и деревень, «заточенных» под непосредственный, лицом к лицу, контакт жителей, когда люди общаются между собой так же, как и с коллегами с другого континента, через сеть Интернет; и это означает не упразднение пространства, а его усложнение и умножение [16].

Для достаточно глубокого понимания тематики нашей статьи имеет значение классическая книга Д. Гибсона [15], ключевая идея которой в том, что восприятие основано не столько на ощущении, сколько на обнаружении информации [15, с. 1]. Д. Гибсон пришел к выводу, что именно информация, которая определяет среду, должна служить основой для деятельности, а деятельность должна обеспечивать средства для выполнения прямого восприятия (перцепции). В итоге взаимность восприятия и действия является ключом к пониманию связи между теорией доступности (*the theory of affordances*) и теорией прямого восприятия (*theory of direct perception*). В данном пункте теория Д. Гибсона в содержательном плане стыкуется с концепцией «функционального круга» восприятия Б. Джеймса, который пришел к выводу, что именно информация, которая определяет среду, должна служить основой для деятельности, а деятельность индивида должна обеспечивать средства для выполнения прямого восприятия (перцепции) [14, с. 123–125, с. 140–141]. Я. фон Икскуль исходил из той предпосылки, что «окружающий мир» (*Umwelt*) существует для живого организма лишь в аспекте, который соответствует его потребностям состояниям [23]. Их реализация предполагает согласование движения навстречу друг друга двух сторон представленного субъекту мира. С од-

ной стороны, это – «перцептуальный мир» (*Merkwelt*), «мир восприятия», когда все, что замечает субъект, превращается в его мир, в мир, меченный им. С другой стороны, «окружающий мир» (*Umwelt*) предстает для субъекта как мир «операциональный» (*Wirkwelt*), «мир действий», когда все, на что воздействует субъект, превращается в его мир действий. В этом отношении сопряжения «мира восприятия» и «мира действия» существуют во взаимном соответствии друг с другом, образуя тот «функциональный круг», который через действие отрицательной обратной связи живого организма и окружающей его среды становится механизмом поддержания устойчивости. На основе этих идей Иксюль делал заключение, что каждый животный организм оптимально приспособлен к той среде, в которой традиционно живет, и что именно по степени сложности его организации, восприятия и действия можно судить о сложности среды его обитания [23]. Действие «функционального круга восприятия» приводит к эмерджентному эффекту интерактивного единства организма и его *Umwelt* как специфического окружающего мира, к которому приспособлен и который строит себе всякий биологический вид и отдельная его особь, когда происходит порождение/излечение смыслов. Объективный внешний мир и субъективный внутренний мир находятся в отношении взаимной детерминации. Восприятие и познание понимаются как непосредственно укорененные [*embeddedness, ingrained, rooted*] в способах жизнедеятельности. Жизнь, которая тождественна познанию, – это не столько отражение мира, сколько извлечение смысла. Понятие опыта в данной концептуальной конструкции выступает в качестве ключевого: мир опыта создается во взаимодействии с объективным миром, в диалоге с ним, в структурном сопряжении с системами окружения: то, что может быть вовлечено в опыт, зависит от человека. Идеи по поводу восприятия, имеющего селективность (из-

бирательность), переходящего в действие по принципу механизма «функционального круга» восприятия, а также значимые и перспективные для понимания когнитивной деятельности представления указаны в статьях Е.Н. Князевой [4].

Тезисы современной психологической теории, когда «восприятие» понимается как процесс чувственного созерцания, связанный с извлечением информации об окружающем мире в контексте экологических угроз с точки зрения психического здоровья людей и психологической безопасности, представлены в работе О.В. Терехиной [9]. На большом эмпирическом материале она изучила психологические факторы, которые преломляют влияние среды и способствуют сохранению психического здоровья людей, работающих и проживающих в местах с риском техногенно-экологической угрозы. Отметим, что аналогичный по сути вывод был обнаружен нами в эмпирическом исследовании на «обычной», экологически не загрязненной территории в сравнении с той, на которой экологические проблемы изучала О.В. Терехина.

Теоретические предпосылки

Онтологическую и экзистенциальную составляющие проблемы пространства как бытия и его восприятия различными акторами с философской точки зрения осмыслил М. Хайдеггер [11; 12; 18]. Он акцентировал внимание на том, что если для «традиционного мышления» решающим значением обладает тезис о восприятии, согласно которому воспринимаемое мыслится как находящийся перед теми или иными людьми (актерами, субъектами) «воспринимаемый объект», то естественная установка хотя и имеет давнее происхождение, но не выходит на более глубокий уровень понимания «присутствующего – в его бытии» [11]. Он трактовал эту давнюю субъективную позицию как традиционное понимание, когда «бытие сущего» в истории Западной Европы

являлось для ее течения «как наличность, как присутствие», и свою собственную философскую позицию выводил из положения о том, что «бытие представляется как сущее, как наличествующее в его наличии» [11, с. 129]. Чтобы представить тезисы Хайдеггера о восприятии (дальнейшей «репрезентации») и понимании им пространства, следует сказать, что он различал два уровня вопроса о бытии: онтологический (априорно-бытийный) и «онтический» (конкретно-эмпирический), что он употреблял вместо традиционного термина «субъект» термин «*Dasein*». Особый упор делался на то, что его надо и созерцать и понимать – феноменологически, то есть как «здесь-бытие, вот-бытие», выявляя при этом ключевые «бытийные структуры» – «экзистенциалы». В качестве иллюстраций «экзистенциалов» нужно привести такие понятия М. Хайдеггера, как «бытие-в-мире», «бытие-с-другими», «забегание-вперед», «страх», «решимость», которые выражают модусы бытия мира в его неразрывной связи с бытием человеческого сознания, или модусы бытия человеческого сознания в его слиянии с миром, что есть одно и то же. Экзистенциальная аналитика «здесь-бытия» (*Dasein*) проявляется как некий определенный способ бытия, специфичность которого состоит в том, что он каким-то образом может дать о себе знать. Согласно Хайдеггеру, восприятие – это сущность мышления; в то время как «мышление получает свою сущность – восприятие – из бытия сущего»; в свою очередь, «бытие сущего» означает «присутствие (*Anwesen*) присутствующего», «наличие наличествующего», понимается как присутствие, приход «сути», прибытие «сути», ее коренение, выступание, выход сущего в «непотаенность» [11, с. 143].

Для глубокого понимания экспликации воспринимаемого (*perceived*), областей социального пространства и различных социальных феноменов важна неомарксистская модель, отстаиваемая А. Лефевром и многими его последователями. Так, говоря о меха-

низмах «презентации» и «ре-презентаций», А. Лефевр обращал внимание на существующий дисбаланс между понимаемым, воспринимаемым и обживаемым пространствами, и в методологическом плане вводил конструкт «триединства пространственной практики, репрезентации пространства и пространства репрезентации» [7, с. 47]; области воспринимаемого трактовал как сопряжение с пространственными практиками, когда они опосредуют понимаемое и обживаемое пространства, связывая репрезентации пространства и пространства репрезентации. Лефевр различал в концептуальном плане: (1) репрезентации пространства – как понимаемое (*conceived*) пространство; как оно рефлексируется и интерпретируется профессионалами; (2) пространства репрезентаций – как обживаемое пространство (*lived space*); пространство жильцов/пользователей, когда речь идет о повседневном опыте пространства, которое «скорее чувствуют, нежели мыслят», благодаря чему формируются пространственные привязанности, делающие социальную жизнь значимой в ценностном отношении; (3) пространственные практики – как процессы собственно воспроизводства материальной формы социальной пространственности, обладающие при этом пространственной компетенцией, структурирующие социальное пространство (практики организации труда, досуга, социально-экономической, политической жизни). Пространственные практики опосредуют понимаемое и обживаемое пространства, связывая тем самым репрезентации пространства и пространства репрезентации. Именно их А. Лефевр и относил к области воспринимаемого (*perceived*) в социальном пространстве. Указывая на важность учета всех трех перечисленных моментов, А. Лефевр при анализе пространства ставил акцент на необходимости методологического ухода от исследовательских метафизических парадигм, которые выстраивались вокруг старых бинарных оппозиций «или-

или»: субъективное/объективное, ментальное/физическое, душа/тело, материальное/идеальное, природное/социальное, сознание/мир, время/пространство, и т. д. [7]. В результате им была осуществлена разработка такой «единой теории пространства», которая способствовала бы преодолению «двойной иллюзии», свойственной метафизическим подходам: «иллюзии прозрачности», реализуемой средствами фетишизации пространства (когда пространство сводится к идеям, представлениям о пространстве как таком овеществлении, когда в результате происходит надделение пространства ошибочными, подчас сверхъестественными, свойствами и представлениями, и рассматривается в качестве ментальной – дешифрованной – реальности); «реалистической иллюзии», через реификацию пространства (овеществление, гипостазирование, то есть процесс превращения абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены), когда пространство сводится к материальным объектам и рассматривается как естественно/объективно данное; а также восстановление «кода» пространства, то есть языка, общего для практики и теории, для жителей, архитекторов и ученых [7, с. 30–32].

В методологическом плане А. Лефевр стремился найти концепт «унитарной теории пространства (физического, ментального, социального)» на базе разрешения противоречий, которые сталкивались с триадой: «восприятие – осмысление – переживание» – практикой и (двоящимися) репрезентациями» [7, с. 280]; в итоге конструкт восприятия (воспринимаемого) он посчитал исключительно важным положить в качестве практического основания своего подхода «созерцания» внешнего мира. Методологическая установка Лефевра позволяет не только раскрывать пространство в качестве практической схемы, ориентирующей наше действие, но и понимать оценки восприимчивости к компонентам социального пространства наиболее адекватным способом.

Авторы данной статьи рассматривали пространство с точки зрения действия как прагматическую схему или практическую силу. Речь идет о специфической рациональности, которая воплощается в регулярно повторяющихся практиках повседневной жизни. В нашей повседневности раскрывается обычно то, что М. Хайдеггер считал «понятностью фактической пространственности», когда в обыденном «бытии-занятым-чем-то» человек обнаруживает ориентиры, в соответствии с которыми обычно и действует. Эти ориентиры задаются intersubъективной структурой самого жизненного мира, которую М. Хайдеггер называл «взаимосвязью значимости» [12, с. 75]. С нашей точки зрения, корректно говорить об изменении картины жизненного мира, спровоцированном новыми практиками демаркации – теми сравнительно новыми ориентирами, в соответствии с которыми люди обычно живут и действуют в своем социальном пространстве. Мы придерживаемся представлений о пространстве и теории пространства в русле парадигмы М. Хайдеггера. Представления о пространстве, в отличие от теоретических концепций, считаются «практическими схемами», организующими принципами действий весьма различных и многочисленных по своему составу социальных групп [10, с. 262].

Идеи генезиса и структурирования социального пространства вкупе с концептом восприятия – перцепции П. Бурдьё [2] позволяют включить в анализ антропологические подходы к восприятию, с точки зрения символической функции, интуитивного восприятия явлений, изучения практик измененного состояния сознания (включая его «лечение»), например, подход А. Лефевра [7]. Н. Луман, как известно, обосновал включение социологической теории в контекст современной системной теории, разработал теорию общества, сопряженную с теорией социального пространства; в частности, обоснование связи восприятия со структурной сопряженностью социальных (как и психических) систем как самоорганизующихся систем

и, в конечном счете, с теорией аутопойесиса – циркулярного самовоспроизводства [8, с. 79]. Данные концепции позволяют сформулировать содержательную модель, опирающуюся на концепт «функционального круга» восприятия Я. фон Иксюлля [23]. Представляется важным, что значимые и перспективные для когнитивной деятельности представления, приводящие в действие потребностные состояния, ограничены четырьмя детерминантами, или особыми мирами, выступающими как необходимые и достаточные условия запуска «функционального круга»: объективного мира как «внешней среды» (*environment*); специфического «окружающего мира» (*Umwelt*), когда происходит рождение/излечение смыслов; «мира восприятия», «перцептуального мира» (*Merkwelt*); и мира «операционального» (*Wirkwelt*), как «мира действий».

Объективный мир или «внешняя среда»

На первом шаге исследования, исходя из концепта «четырёх миров», в качестве объективного мира, или «внешней среды» (*environment*), были рассмотрены показатели, характеризующие воздействие хозяйственной деятельности на внешнюю среду (далее – окружающую среду), на примере Тюменской области за период 2005–2015 годы (табл. 1).

За последние 10 лет, невзирая на ужесточение экологических норм, перехода на бережливое отношение к окружающей среде не произошло. Предприятия и организации снижают долю инвестиций в охрану окружающей среды на фоне общего снижения инвестиций, в наиболее активно развивающихся регионах (пример – ХМАО-Югра) произошел десятикратный рост сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты. Даже согласно официальным данным, выбросы загрязняющих веществ в воздух очищаются не более чем на 1%, а, например, в ЯНАО 100% выбрасывается в воздух без очистки. При этом имеются основания предполагать, что это только верхушка айсберга, поскольку отчетность в данной сфере объективно занижается. Расходы на рекультивацию земель в настоящее время (2017 год) по сравнению с уровнем 2000 года снизились кратно, расходы на охрану и рациональное использование земель – в десятки раз, а расходы на поддержку лесных ресурсов вообще даже не отражаются в региональной статистике. Все это демонстрирует особую актуальность понимания этих проблем, обращение внимания на повышение чувствительности (сензитивности) людей к экологическим угрозам, внедрение проблем экологии в повседне-

Таблица 1. Основные показатели, характеризующие воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду

Показатель	Регион	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн м ³	Юг ТО	86	100	100	100	82	89	87
	ХМАО	31	38	46	46	78	545	463
	ЯНАО	31	49	33	33	25	22	23
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, тыс. тонн	Юг ТО	84	84	95	106	134	134	125
	ХМАО	3024	2907	2201	2353	1866	1467	1388
	ЯНАО	1071	1095	972	834	751	580	632
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, млн руб.	Юг ТО	213	331,2	147,3	665	3108	4252	1449
	ХМАО	5788	3868	2592	6954	7682	5115	6653
	ЯНАО	793,5	1360,7	39412	2294	1082	3099	5471

Источник: Охрана окружающей среды в Тюменской области (2011–2015): стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2016. – С. 7, 85.

ный деятельностный контекст. Отметим, что ситуация в целом по России не существенно отличается от региональной, но простое сравнение общероссийских данных и региональных было бы некорректным в связи с несопоставимостью масштабов.

Социологические данные и методика их анализа

Эмпирическое исследование опирается на всероссийский исследовательский проект «Социокультурные портреты регионов России» [4], используются результаты социокультурного мониторинга (2006, 2009, 2011, 2016 гг.) в Тюменской области, Ханты-Мансийском (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецком (ЯНАО) автономных округах. Привлечены опубликованные результаты и массивы данных всероссийского мониторинга за период 2006–2015 гг., данные Центра изучения социокультурных изменений Института Философии РАН по базам данных в пакете SPSS (аннотацию проекта и основные публикации можно найти: <http://iphras.ru/nks.htm>,

доступ 30.03.2017), описание исследования и выборки в *приложении* к статье, *табл. 3*. Анализ данных проводился на основе вычисления индекса незащищенности для различных социальных групп, классификации с помощью дисперсионного и регрессионного методов анализа.

Актуальные проблемы-опасности.

На втором шаге рассмотрены оценки динамики социального пространства респондентов с точки зрения ощущения проблем-опасностей. Уровень незащищенности населения от проблем-опасностей оценивался по сумме процентов двух отрицательных вариантов ответов на вопрос «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?», в котором содержится перечень 10 опасных проблем (*табл. 2*). Во всех волнах мониторинга самыми актуальными проблемами-опасностями граждане называли преступность, бедность, экологические угрозы, произвол чиновников и произвол правоохранительных органов.

Таблица 2. Уровень незащищенности*, % от числа опрошенных

Регион	Год	Преступность	Бедность	Экологическая угроза	Произвол чиновников	Произвол правоохранительных органов	Одиночество и заброшенность	Преследования за политические убеждения	Притеснения из-за возраста или пола	Притеснения за религиозные убеждения	Ущемление из-за национальности
ХМАО-Югра	2006	50	51	42	49	41	39	16	25	8	9
	2009	48	43	28	41	31	29	16	18	12	12
	2011	53	51	47	49	44	34	23	20	13	13
	2013	42	42	42	42	33	28	21	14	11	11
	2016	27	36	24	33	26	23	16	12	10	10
ЯНАО – Ямал	2006	51	53	49	56	44	41	18	29	12	14
	2009	51	54	35	46	36	41	19	19	12	14
	2011	51	49	46	51	45	35	27	30	20	23
	2013	47	48	42	46	39	36	29	20	18	18
	2016	30	36	22	33	25	26	14	13	9	8
Юг Тюменской обл.	2006	57	53	49	52	46	36	16	22	6	7
	2009	60	53	39	46	44	37	21	24	14	15
	2011	50	48	44	47	39	30	19	22	12	12
	2013	48	47	44	49	41	30	21	16	9	10
	2016	36	43	27	38	31	28	18	14	8	7
Вся Россия	2006	71	68	62	59	52	44	17	26	10	13
	2010	63	60	65	52	46	42	21	29	13	15
	2015	45	58	50	47	39	36	19	25	12	12

* Уровень незащищенности вычисляется как сумма % ответов «совсем не защищен»+«пожалуй, не защищен».

Источники: расчеты авторов, данные получены: см. приложение.

Эти проблемы отражают восприятие социальной среды в ее актуальном измерении. Рейтинг проблем в этой первой пятерке менялся с годами, интенсивность восприятия угроз также менялась. Однако указанная пятерка проблем в течение 11 лет мониторинга (2006–2016 гг.) отражает актуальную социальную реальность: формирует ядро угроз для социального пространства, или зону угроз, наиболее чувствительную в нашем социальном пространстве. Восприятие экологических проблем, отражаемое в доле (%) ответов респондентов во всех территориях Тюменской области (ХМАО и ЯНАО), на фоне других проблем-угроз существенно снизилось. В контексте поставленной нами проблемы важно, что экологическая угроза воспринимается жителями различных регионов России как одна из пяти самых актуальных угроз.

Восприимчивость к экологическим угрозам

На третьем шаге анализа нами были рассмотрены средние оценки уровня незащищенности от экологических угроз по различным подвыборкам: жителями различных типов поселений, различных уровней благосостояния, образования, самооценок здоровья и по различным уровням оценки качества воды и воздуха. Данные были получены в процессе социологического исследования «Социокультурные портреты регионов России», Россия в целом, Тюменской области, ХМАО, ЯНАО (2016 г.), (приложение табл. 4). Метод анализа: расчет средних, классификация, дисперсионный анализ, сравнение средних значений. Наиболее остро ощущают свою незащищенность от экологической угрозы жители средних городов, имеющие высшее образование. Женщины и люди более старшего возраста чуть более восприимчивы к экологическим угрозам, но различия не столь существенны. Значительно повышают восприимчивость к экологическим угрозам частота заболеваний, принадлеж-

ность к нижним слоям в своем поселении. Анализ средних позволяет предположить, что самооценки материального положения влияют на оценки актуальности экологических угроз. Противоречие заключается в том, что менее образованные люди слабо воспринимают экологические угрозы, с повышением материального уровня жизни восприимчивость к экологическим угрозам быстро снижается. Эмпирические самооценки защищенности от экологических угроз прямо связаны с оценками качества воды и воздуха. Изучаемая защищенность существенно более эластична по оценкам качества воздуха, нежели качества воды, которую люди употребляют в пищу (см. приложение табл. 4).

Экологические угрозы воспринимаются жителями северных регионов значительно менее остро, чем в других регионах России. Однако на фоне роста объективной экологической угрозы в северных регионах (по данным анализа объективных показателей экологических угроз и показателей здоровья населения и данным табл. 1) указанная тенденция представляется потенциально опасной с точки зрения необходимости осознания населением состояния экологических условий проживания и их последствий для окружающих био- и геосистем и здоровья самого человека.

Анализ документов региональных органов власти демонстрирует, что на уровне исполнительных органов власти экологическим проблемам и проблемам здоровья населения уделяется значительное внимание. Так, в Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа до 2020 года в качестве одной из приоритетных задач устойчивого развития выделяется сохранение исконной среды обитания коренных народов Севера, открываются заповедники, разрабатываются природоохранные программы, проводятся плановые и периодические проверки

уровня загрязнений. Возможно, именно широкое освещение данных мероприятий привело к столь существенному снижению остроты восприятия экологических угроз населением. Тем не менее, статистические данные не подтверждают того, что целеполагание со стороны органов власти находит адекватное отражение в деятельности в сфере. Мы предположили на основании анализа средних, что снижение чувствительности к экологическим угрозам в более обеспеченных северных городах по сравнению с городами центральной России связано с отрицательной линейной зависимостью с уровнем материального благосостояния. Жители Москвы оценивают экологические угрозы в целом ниже, чем жители средних городов по той же причине (см. приложение табл. 4). Предположения, сформулированные нами в процессе анализа средних, ниже проверены при помощи структурного регрессионного анализа на четвертом шаге исследования (приложение табл. 5). Особенность структурного регрессионного анализа заключается в том, что проверяются зависимости между переменными на основе сравнения расхождений между экспериментальными и прогнозными данными.

На массиве данных по исследованию 2016 года в Тюменской области был проведен регрессионный анализ восприятия экологической угрозы для выявления статистически устойчивого набора факторов, список введенных переменных для каждого шага. Регрессионный метод позволил уточнить по критерию F , насколько устойчивы найденные выше различия между уровнями социальной структуры по восприимчивости к экологической угрозе (Z -зависимая переменная моделей). Значимые независимые переменные включались в уравнение регрессии (приложение табл. 6, 7), исключение производилось по критерию F (приложение табл. 8). Метод вычисления: шаговый регрессионный метод наименьших квадратов,

критерий исключения переменной вероятность $F \leq 0,05$, критерий включения переменной $F \geq 0,1$.

Описание переменных регрессионного анализа

Зависимая переменная Z , независимые переменные: $V1, V2, V3, V4, V4, V6, V7, V8, V9$ (приложение табл. 6, 7).

Зависимая переменная Z . Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от экологической угрозы: 0 – совсем не защищен; 4 – защищен.

Независимые переменные. Как Вы считаете, воздух в Вашем городе (селе) чистый или он сильно загрязнен ($V1$): 0 – сильно загрязнен; 1 – воздух часто бывает загрязнен; 2 – обычно воздух достаточно чистый. Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от Вас самих ($V2$): 0 – совсем не зависит; 4 – полностью зависит. Как Вы считаете, чистую ли воду Вы пьете и используете для приготовления пищи ($V3$): 0 – вода сильно загрязнена; 1 – вода достаточно чистая; 2 – вода загрязнена. Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи ($V4$): 0 – денег не хватает на повседневные затраты; 1 – на повседневные затраты уходит вся зарплата; 2 – на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна; 3 – в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг; 4 – почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи; 5 – практически ни в чем себе не отказываем. Как Вы оцениваете состояние своего здоровья ($V5$): 0 – инвалид; 1 – имею хроническое заболевание; 2 – часто болею; 3 – временами болею; 4 – нормальное здоровье, пока не жалуясь. Гендер ($V6$): 0 – женщины; 1 – мужчины.

Исключенные переменные. Тип поселения ($V7$), уровень образования ($V8$), регион ($V9$).

Средние значения по каждой из переменных, описательные характеристики и

границы применимости моделей (см. приложение табл. 5 – 8).

Регрессионная модель шестого уровня имеет шесть внешних (объясняющих) переменных, однако уровень значимости переменных имеет более высокую ошибку (см. приложение табл. 6). Для интерпретации оказываются пригодными модели высокого уровня значимости – 1, 2, 3 (см. приложение табл. 7).

Основными переменными, определяющими уровень защищенности от экологической угрозы, оказываются (по убыванию значимости): оценка чистоты воздуха, уровень самостоятельности индивидуума, оценка качества воды, материального положения, здоровья. Переменные гендер, возраст имеют невысокий уровень значимости. Переменные уровень образования, тип поселения, регион оказались незначимы с точки зрения устойчивости межгрупповых различий (по критерию *F*). Для интерпретации результатов сравнения экспериментальных и прогнозных средних необходимо учитывать то, что начальные значения всех переменных равны нулю (см. описание переменных выше). Далее при увеличении внешней переменной на единицу внутренняя переменная соответственно увеличивается на величину *B*. Равенство всех управляющих переменных нулю соответствует подвыборке тех, кто считает, что воздух сильно загрязнен, улучшение их жизни совсем от них не зависит, они пьют сильно загрязненную воду, денег не хватает на повседневные затраты, инвалиды. Например, в модели 3 при всех влияющих переменных, равных нулю, восприятие экологической угрозы равно 0,78 на шкале от 0 (совсем не защищен) до 4 (полностью защищен). Оценки защищенности от экологической угрозы возрастают при увеличении на одну единицу переменной *V1* на 0,32, *V2* на 0,16, *V3* на 0,21. Наиболее защищенными от угроз считают себя мужчины, уровень самостоятельности которых максимален, наиболее высок уровень материального благосостояния. Что это

означает практически? Мы имеем типичную потребительскую модель, когда восприятие экологии не формируется опытом, системой образования, а определяется в первую очередь личными качествами человека.

Следует отметить, что нами был подтвержден выявленный в статье А. Ильина [3] «потребительский парадокс», который заключается в том, что рынок товаров и услуг сверх изобилен, но построенный урбанистический порядок, сопряженный по структуре с социальным пространством, сформировал специфические проблемы. Вместе с тем нужно понимать и принимать к сведению то, что более обеспеченные социальные группы могут рассчитывать на свои собственные ресурсы и побеспокоиться о своей защите от экологических угроз. При этом рассчитывает на собственные силы весьма малая доля людей.

Выводы

Личный вклад авторов в решение поставленных проблем заключатся в том, что теоретические конструкты перцептуального мира восприятия сопрягаются с теоретическими конструктами самоорганизации, а также теорией аутопойесиса, циркулярным самовоспроизводством; имеет место модель, похожая на концепт «функционального круга» восприятия Я. Иксюля [23], и демонстрация того, что человек реально страшится чего-то конкретного, ему хорошо известного, угрожающего его достатку, здоровью, самой жизни.

Была подтверждена гипотеза о существовании инвариантных схем когнитивных функций извлечения смысла (*living is sense-making*), когда при обращении к пространственному измерению социальной жизни в связке «общество-восприятие-действие-пространство» возникают связи социальной динамики с трансформациями представлений о пространстве; при этом люди, обладающие собственными мнениями об уровнях тех или иных угроз, включая экологические, избирательно воспроизводят смысл

свойств объектов (*meaning-carrier properties of objects*), извлекая значимое из социального пространства, которое, в свою очередь, предстает перед ними как носитель смыслов. Описаны четыре «ментальные модели» социального пространства: объективного мира как «внешней среды» (*environment*); специфического «окружающего мира» (*Umwelt*), когда происходит порождение и извлечение смыслов; «мира восприятия», или «перцептуального мира» (*Merkwelt*); «операционального» мира (*Wirkwelt*) как «мира действий», которые, будучи также детерминантами более общего концепта «функционального круга» восприятия (Я. фон Икскюль), в совокупности образуют универсальную ментальную модель социальной реальности. Она выступает как прагматическая схема и практическая сила, которые воплощаются в регулярно повторяющихся практиках повседневной жизни. Для индивида в его повседневности социального пространства ментальная модель социальной реальности раскрывается в том, что М. Хайдеггер считал «понятностью фактической пространственности», то есть когда в обыденном «бытии-занятым-чем-то» индивид обнаруживает значимые для него ориентиры, сопряженные с порождением или извлечением смыслов, в соответствии с которыми индивид действует. Эти ориентиры задаются интересубъективной структурой жизненного мира как «взаимосвязи значимости», которые могут быть проинтерпретированы как параметры регрессионного анализа.

Оценки экологических угроз входят в пятерку наиболее актуальных проблем, но их острота в субъективном измерении снижается как по времени (за последние

11 лет), так и в статусном отношении (для наиболее обеспеченных слоев населения). На эмпирическом уровне было выявлено, что наиболее остро оценивают экологические угрозы слаборесурсные слои населения, которые оказались подвержены наибольшему негативному влиянию факторов внешней среды. Пассивность человека снижает его чувствительность к экологическим угрозам. Пассивные люди ждут «от кого-то», в первую очередь от государства, прямых действий по защите их от угроз. Если граждане считают, что экологические угрозы, занимая пятое – четвертое места среди наиболее актуальных проблем, также не требуют от кого-либо собственных действий, как и другие виды угроз, создаются большие экологические риски.

В социальном сознании экологическая угроза оказалась тесно связана с системой социального действия, что подтвердили результаты регрессионного анализа. Мы считаем данный вывод важным, так как он указывает на практическую достижимость целей повышения экологического сознания, экологической грамотности в привязке к повышению личной ответственности людей за свою жизнь, за свои условия жизни, за свое будущее. Оказалось, что наши граждане не так безответственно относятся к окружающей среде, как это принято считать. Тем не менее общие оценки восприимчивости экологических угроз не столь высоки, как это было бы необходимо для перевода проблемы в плоскость прямых действий. Также следует обратить особое внимание на необходимость усиления образовательной компоненты в системе экологического воспитания граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедаш, Ю. А. О постметафизическом подходе в исследовании пространства [Текст] / Ю. А. Бедаш // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 11 (133). – С. 279–288.
2. Бурдьё, П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение [Текст] / П. Бурдьё. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007. – С. 64–87.
3. Ильин, А. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления [Текст] / А. Ильин // Век глобализации. Журнальный клуб Интелрос. – 2016. – № 1-2 (17-18).
4. Князева, Е. Н. Понятие “Umwelt” Я. фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии [Текст] / Е. Н. Князева // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С. 30–43.
5. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация–2010) [Текст] / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева – М. : ИФ РАН. – 2010. – С. 40–46.
6. Леви-Стросс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Стросс / пер. с фр. В. В. Иванова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
7. Лефевр, А. Производство пространства [Текст] / А. Лефевр. – М. : Strelka Press, 2015. – 428 с.
8. Луман, Н. Введение в системную теорию [Текст] / Н. Луман. – М. : Логос. – 2007. – 360 с.
9. Терехина, О. В. Жизнестойкость и качество жизни работников атомной промышленности [Текст] / О. В. Терехина // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2016. – № 3 (92). – С. 81–87.
10. Филиппов, А. Ф. Социология пространства [Текст] / А. Ф. Филиппов – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.
11. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества [Текст] / М. Хайдеггер // Сборник : пер. с нем.; под ред. А. Л. Доброхотова. – М. : Высшая школа. 1991. – 192 с.
12. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
13. Bachmann-Medick, D. Cultural Turns [Text] / D. Bachmann-Medick // Neuorientierung in den Kulturwissenschaften. Reinbeck b. H. – 2006. – Т. 2. – P. 3–26.
14. Braund, M. J. The Structures of Perception: An Ecological Perspective [Text] / M. J. Braund // Kritike. – 2008. – Т. 2. – № 1. – P. 123–144.
15. Gibson, J. J. The Senses Considered as Perceptual Systems [Text] / J. J. Gibson. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1966. – 335 p.
16. Kommunikation – Gedächtnis – Raum: Kulturwissenschaften nach dem «spatial turn» [Text] / Moritz Csaky & Christoph Leitgeb (Hg.). – Bielefeld : Transcript, 2009. – 171 p.
17. Lefebvre, H. La production de l'espace [Text] / H. Lefebvre. – Paris : Anthropos, 1974; 4e éd. Paris : Editions Economica, 2000. – 485 p.
18. Heidegger, M. Sein und Zeit [Text] / M. Heidegger. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1927. – 437 p.
19. Soja, E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory [Text] / E. Soja / Graham, Elspeth; Warf, Barney; Soja, E. W. : Progress in Human Geography. – London : Verso, 1989. – Vol. 30. – 2006 (December). – P. 812–820.
20. Schlögel, K. Im Raume lesen wir die Zeit: über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik [Text] / K. Schlögel. – München : Carl Hanser Verlag, 2003. – 464 p.
21. Spatial Turn: Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften [Text] / by Jorg Döring (Editor) & Tristan Thielmann (Editor). – Bielefeld : Transcript, 2008. – 460 p.
22. The Spatial Turn: interdisciplinary perspectives [Text] / by Barney Warf (Editor) & Santa Arias (Editor). – London : Routledge, 2009. – 240 p.
23. Uexküll, Jakob von. Umwelt und Innenwelt der Tiere [Text] / Jakob von Uexküll. – Berlin : Verlag von Julius. – 1909. – 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Тюменский государственный университет. Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10. E-mail: vlad_davidenko@mail.ru. Тел.: (3452) 29-76-62.

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Тюменский государственный университет. Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10. E-mail: g.f.romashkina@utmn.ru. Тел.: (3452) 29-76-62.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В Тюменском регионе были привлечены данные авторских социологических опросов, проведенных в целом по России Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкому округу (ЯНАО) в 2006, 2009, 2011 и 2013 гг. Объемы выборок приведены в табл. 5. Данные по России по той же методике – на основании исследований Н.И. Лапина и А.Л. Беляевой [5 и др.]. Авторы статьи выражают искреннюю признательность руководителям проекта «Социокультурные портреты регионов России» член.-корр. РАН Н.И. Лапину и проф. А.Л. Беляевой за предоставленные базы данных.

Опросы проводились методом поквартирного интервью, выборка квотная по территории, типам населенного пункта, половозрастной структуре с контролем по уровню образования. Выборки репрезентируют население Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО старше 18 лет по половозрастной структуре сельского/городского населения с ошибкой не выше 3%. В целом было опрошено 47,2% мужчин и 52,8% женщин, 22% и 78% сельского и городского населения. По уровню образования 27% среднее и ниже среднего, 38,8% начальное профессиональное и среднее специальное, 3,5% незаконченное высшее, 26% высшее и послевузовское.

Таблица 3. Объемы выборок данных

	2006 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2016 г.
Тюменская область	1715	1560	1271	2335	1422
ХМАО-Югра	1285	1800	1301	2264	1607
ЯНАО	1000	640	482	968	541
	2006 г.		2010 г.		2015 г.
Россия в целом	1200		1163		1031

Таблица 4. Средние самооценки незащищенности* от экологической угрозы жителями различных поселений, % от подвыборки (2016 г.)

Категория респондентов по подвыборкам	%
Ваше материальное положение?	
Денег до зарплаты не хватает	53
На повседневные затраты уходит вся зарплата	59
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	50
Для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	51
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	36
Практически ни в чем себе не отказываем	31

Уровень образования	
Среднее и неполное среднее	37
Среднее специальное профессиональное	52
Высшее и послевузовское	61
Тип поселения	
Сельские поселения	21
Малый город	22
Средний город	67
Крупный город	39
Гендер	
Мужчины	47
Женщины	53
Самооценка своего здоровья	
Нормальное здоровье, болею редко	48
Болею довольно часто	47
Болею очень часто	44
Страдаю хроническим заболеванием	66
Чистую ли воду Вы пьете и используете для приготовления пищи?	
Вода достаточно чистая	43
Вода загрязнена	55
Вода сильно загрязнена	57
Насколько чистый воздух в Вашем поселении?	
Воздух достаточно чистый	43
Воздух загрязнен	54
Воздух сильно загрязнен	65
Города	
Москва	46
Тобольск	45
Заводоуковск, Ишим, Ялуторовск**	36
Новый Уренгой	33
Нижневартовск	27
Тюмень, Ханты-Мансийск**	26
Сургут, Ялуторовск, Салехард	24

*Уровень незащищенности вычисляется как сумма ответов «совсем не защищен» + «пожалуй, не защищен».

** Для примера объединены некоторые города с одинаковыми средними значениями. Во всероссийской выборке достаточная по величине подвыборка имеется только по Москве. По выборке Тюменской области города имеют подвыборку пропорционально их представительности в генеральной совокупности.

Источник: Князева Е. Н. Понятие "Umwelt" Я. фон Икскуля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С. 30–43, см. табл. 5.

Таблица 5. Описательные статистики

	Среднее	Стандартное отклонение
Защищенность от экологической угрозы	2,33	1,11
Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?	3,29	1,02
Как Вы считаете, воздух в Вашем городе (селе) чистый или он сильно загрязнен?	1,91	0,41
Как Вы считаете, чистую ли воду Вы пьете и используете для приготовления пищи?	1,89	0,45
От Вас самих	3,60	0,80
Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?	2,59	1,43
Ваше образование:	4,41	1,59
Пол	0,48	0,50
Тип поселения:	2,24	1,21
Группы по возрасту	2,21	1,43

Таблица 6. Регрессионный анализ: границы моделей

Модель	R	R-квадрат	Стд. ошибка оценки
Модель 1: Z(V1)	0,137	0,019	1,096
Модель 2: Z(V1,V2)	0,180	0,032	1,089
Модель 3: Z(V1, V2, V3)	0,198	0,039	1,086
Модель 4: Z(V1,V2, V3,V4)	0,211	0,044	1,083
Модель 5: Z(V1,V2, V3,V4,V5)	0,219	0,048	1,081
Модель 6: Z(V1,V2, V3,V4,V5,V6)	0,226	0,051	1,08

Таблица 7. Модели с различными коэффициентами

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		Знч.	
	B	Стд. Ошибка	Бета	t		
1	C	1,63	0,13		12,19	0,000
	V1	0,37	0,07	0,14	5,40	0,000
2	C	1,05	0,18		5,79	0,000
	V1	0,36	0,07	0,14	5,38	0,000
	V2	0,16	0,04	0,12	4,58	0,000
3	C	0,78	0,20		3,87	0,000
	V1	0,32	0,07	0,12	4,55	0,000
	V2	0,16	0,04	0,11	4,45	0,000
	V3	0,21	0,06	0,09	3,28	0,001
4	C	0,70	0,20		3,47	0,001
	V1	0,31	0,07	0,12	4,47	0,000
	V2	0,15	0,04	0,11	4,16	0,000
	V3	0,19	0,06	0,08	3,06	0,002
	V4	0,06	0,02	0,07	2,91	0,004
5	C	0,58	0,21		2,82	0,005
	V1	0,30	0,07	0,11	4,29	0,000
	V2	0,13	0,04	0,10	3,80	0,000
	V3	0,18	0,06	0,07	2,83	0,005
	V4	0,05	0,02	0,07	2,68	0,007
	V5	0,07	0,03	0,06	2,40	0,017
6	C	0,57	0,21		2,73	0,006
	V1	0,29	0,07	0,11	4,26	0,000
	V2	0,13	0,04	0,10	3,74	0,000
	V3	0,18	0,06	0,07	2,76	0,006
	V4	0,05	0,02	0,07	2,69	0,007
	V5	0,06	0,03	0,06	2,19	0,029
	V6	0,12	0,06	0,05	2,11	0,035

Прим. 95% доверительный интервал, $p < 0,001$ – максимальный уровень значимости, $p < 0,01$ – высокий уровень значимости, $p < 0,1$ – значимые.

Таблица 8. Регрессионный анализ: остатки и ошибки моделей

Модель	Сумма квадратов	Средний квадрат	F	Ошибка p
1.Регрессия	35,087	35,087	29,187	0,000
Остаток	1821,291	1,202		
2.Регрессия	59,993	29,996	25,281	0,000
Остаток	1796,385	1,187		
3.Регрессия	72,654	24,218	20,543	0,000
Остаток	1783,724	1,179		
4.Регрессия	82,56	20,64	17,594	0,000
Остаток	1773,818	1,173		
5.Регрессия	89,273	17,855	15,267	0,000
Остаток	1767,105	1,169		
6.Регрессия	94,489	15,748	13,497	0,000
Остаток	1761,889	1,167		

Davydenko V.A., Romashkina G.F.

ASSESSMENTS OF SUSCEPTIBILITY TO THE COMPONENTS OF SOCIAL SPACE AND TO THE LEVELS OF ENVIRONMENTAL THREATS

The article studies subjective assessments of environmental threats from the point of view of the theory of perception of social space components. The hypothesis of the existence of invariant schemes of the cognitive functions of the extraction of meaning is tested, when referring to the spatial dimension of social life in the “society-perception-action-space” relation, the linking of social dynamics and the transformations of ideas about space appear. Scientific novelty lies in the fact that assessments of the susceptibility of people to the levels of environmental threats are interpreted in the genre of cognitive niches reflecting levels of perception as special worlds of meanings, conjugated in their meaningful features with actual problems-dangers. The following methods of analysis are used: calculation of insecurity indicators, variance analysis, regression analysis, classifications of people’s susceptibility to environmental threats. The main result of the paper is the presentation of the authors’ theoretical studies and empirical assessments of the structure and dynamics of susceptibility to environmental threats of residents of Russian regions. The conclusion is drawn that the inhabitants of medium-sized towns of Russia, rural population and the poorest segments of the population are the most sensitive to environmental threats and they are exposed to the greatest negative influence of environmental factors. The paper reveals the following contradiction: on the one hand, the environment does not enter “directly” into the concept of the personal world view and there is an inadequate social reflection of environmental problems of the existing objective reality, which is an important factor of environmental risk; on the other hand, in the social consciousness the environmental threat has been closely related to a system of social action, which was confirmed by the results of regression analysis.

Models of susceptibility, components of social space, self-assessment of insecurity, environmental threat.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Davydenko Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, the Head of Science and Research Center. Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education “Tyumen State University”. 10, Semakov Street, Tyumen, 625003, Russia. E-mail: vlad_davidenko@mail.ru. Тел.: +7(3452) 29-76-62.

Romashkina Gul'nara Fatykhovna – Doctor of Sociology, Professor, the Head of the Department. Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education “Tyumen State University”. 10, Semakov Street, Tyumen, 625003, Russia. E-mail: g.f.romashkina@utmn.ru. Тел.: +7(3452) 29-76-62.